

Две ночи позднего И. Бунина (еще раз о последних стихах) *

21 августа 1938 года Бунин вернулся из Парижа в Босолей на машине своих полуслучайных знакомых и в тот же день описал это путешествие в необычной для его эпистолярного стиля элегической манере. Он рассказывал Г. Н. Кузнецовой о том, как их путешествие растянулось на два дня, как не раз ломалась «древнейшая» машина, как водитель «захотел блеснуть» и, не справившись с дорогой, чуть не погубил велосипедиста, о том, какой из этого вышел скандал и как они потом ночевали «в каком-то городке, очень милом за всем тем»... Впрочем, дорожные происшествия тонули в описаниях меняющегося ландшафта: путь до Гренобля — «русский день конца июля, русские облака, поля», да и когда на следующий день подъезжали к Босолею, «опять пошла несказанная красота неба, лесов, гор, [диких]¹ городков и деревушек во всей их провансальской первобытности, грубости и ненаглядной прелести — и солнца, солнца; что я чувствовал и думал, ты в некоторой мере должна понять». Главной темой этого неоконченного (и, судя по всему, неотосланного) письма стало — и, кажется, Бунин понимал это уже тогда — то расширение сознания, которое предшествует творчеству. «Ну

* Приношу искреннюю благодарность хранителю Русского архива в Лидсе (Leeds Russian Archive, University of Leeds; далее — РАЛ) Ричарду Д. Дэвису за ряд необходимых замечаний и уточнений.

¹ Небезразличный для содержания зачеркнутый текст при цитировании источников сохраняется и дается в квадратных скобках.

вот, любезный друг, и Beausoleil, — еще раз началось в моей жизни что-то новое, хотя и в знакомом, прежнем мире: что-то похожее на эпизод»,² — с этими, первыми словами того письма Бунин вступил в один из самых плодотворных периодов своего позднего творчества.

Он уже очень долго не мог начать работать. Весна прошла в подготовке к литературному турне по Прибалтике, стоившему многих сил, а материального достатка не принесшему. Еще два года назад пришлось оставить обжитый и любимый дом — виллу «Бельведер» в Грассе. Жить в Париже круглый год было дорого и хлопотно, и весь июль 1938 года Бунин «скакал по Ривьере, от Ментоны до Марсея, ища <...> пристанища на лето, — и ничего не нашел».³ Квартиру с садиком (villa «La Dominante») в Босолее, рядом с Монте-Карло, они сняли только в августе, — и вот он там, почти один. Почти — потому что первое время с ним еще была жена, Вера Николаевна, а когда она уехала, остались недавно принятые ею в бунинскую семью «Ляля» (Елена Николаевна Жирова, недолгая жена Н. Рощина — «капитана») и ее дочка Оля. Их пребывание в доме и на его попечении чрезвычайно тяготило Бунина. К обычным жалобам на непомерные траты добавились новые. 3 октября 1938 года он пишет В. Н. Буниной: «И думаю о себе: за что послал мне Бог в конце концов такую странную и горькую жизнь! Один, какая-то Ляля, какая-то девочка... Недоставало еще ребенка в моем несчастном доме — того, чего я всю жизнь так боялся... за что, за что? / Ну, да “плакать не поможет”».⁴ И еще он никак — уже пятый год — не мог примириться с тем, что любимая им женщина, Галина Кузнецова, безвозвратно потеряна для него. Он вспоминал время их первой любви — лето 1926 года, первую встречу, весну 1927-го, когда она только поселилась в их доме в Грассе, и он как раз начал «Жизнь Арсеньева»: он писал, а она печатала на машинке... Без этой книги он едва ли получил бы Нобелевскую премию, а получив — тут же потерял Кузнецову, встретившую на обратном пути из Стокгольма (заехали к Степунам в Дрезден!) Маргу Степун и до конца жизни оставшуюся с ней. В ноябре 1938 года Бунин, отмечая пятилетие присуждения ему Нобелевской премии, пишет жене: «Грустно еще и потому, что нынче

² Бунин И. А. Письмо Г. Н. Кузнецовой от 21 августа 1938 г.: РАЛ. MS.1066A/170.

³ Бунин И. А. Письмо М. В. Карамзиной от <20 июля 1938 г.>; цит. по: Письма <И. А. Бунина> к М. В. Карамзиной. 1937–1940 / Предисл. и публ. А. К. Бабореко // Иван Бунин: [Сб. материалов]: В 2 кн. М.: Наука, 1971. Кн. 1. С. 669 (Лит. наследство; Т. 84).

⁴ Бунин И. А. Письмо В. Н. Буниной от 3 октября 1938 г.: РАЛ. MS.1066A/178.

9 ноября: 5 лет тому назад в этот день судьба меня побаловала. Но потом взяла за это такую контрибуцию, что хоть трагический рассказ пиши!»⁵

И все-таки осень 1938 года — одно из редких затиший. В начале сентября Вера Николаевна уехала в Париж, хлопотала там об устройстве вокального вечера Марги, Галина была с ними, — и Бунин, как ни странно, мог почувствовать некоторое освобождение: в конце концов, все они в Париже, заняты слухами о грядущей войне, своими заботами и мыслями, а он — здесь и, кажется, наконец может писать. Он давно уже думал о продолжении «Жизни Арсеньева»: «Лица» еще не была написана, и образ главной героини, в чем-то еще слишком близкий, явный, всё ускользал.

Сентябрь он провел «почти не вставая за письмен<ным> столом».⁶ В «канун октября 1938 года» — «вдруг» написал рассказы «Муза» («Жизнь художника на даче, подмосковные дни и ночи там — некоторое подобие <...> того недолгого времени, когда я гостил на даче писателя Телешова») и «Степа» («Представилось однажды, что еду на беговых дрожках от имени моего брата Евгения (на границе Тульской и Орловской губерний) по направлению к станции Боборыкино»)⁷ Гонорар за «Степу» просил отдать Кузнецовой: знал, что и она, и М. Степун очень нуждаются, и жалел их... «Написал почему-то несколько стих<ов>»⁸, среди них было и стихотворение «Под окном бродила и скучала...», предтеча созданного через пару недель рассказа «Поздний час», одного из самых совершенных его творений. В то же время он всё еще мучился тем, что невозможно продолжать «Жизнь Арсеньева». «Я много в нее вписал нового — надо, чтобы вышел целый роман с этой выдуманной Ликой и чтобы ее образ был до конца понятен. Дальше писать — просто невоз-

⁵ Бунин И. А. Письмо В. Н. Буниной от 9 ноября 1938 г.: РАЛ. MS.1066A/196 (курсивом выделено подчеркнутое Буниным). Это написано уже после примирения Бунина с Кузнецовой в октябре 1936 года, и участие Бунина в судьбе Г. Кузнецовой и М. Степун (хотя бы во время войны) еще не раз оградит их от серьезной опасности. В мае 1943 года они навсегда покинут Францию, и их пожизненная переписка с Буниными станет долгим эпилогом драматических событий 1926–1934 годов. См.: «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун. 1934–1961 / [Науч. ред. серии О. А. Коростелев и Р. Дэвис; Сост., подгот. текста, науч. аппарат Е. Р. Пономарева и Р. Дэвиса; Сопровод. статья Е. Р. Пономарева]. М., 2014. — (И. А. Бунин: Новые материалы; Вып. 3).

⁶ Бунин И. А. Письмо В. Н. Буниной от 21 сентября 1938 г.: РАЛ. MS.1066A/172.

⁷ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М., 1967. Т. 9. С. 372–373.

⁸ Бунин И. А. Письмо В. Н. Буниной от 15 октября 1938 г.: РАЛ. MS.1066A/182.

можно! Будет уже явная автобиография — к тому же уже всем известная. Не знаю, как быть».⁹

Кажется, что все произведения той осени — это не только самостоятельные произведения, но и попытки разглядеть ту Лику, в которой сольются реальное прошлое и художественное будущее, мерцающее, проявляющееся и неугасимое.

В Париже и рассказы, и стихи перепечатывала Вера Николаевна, спешила, посылала мужу обратно чистые тексты. Попутно сообщала о своих впечатлениях. Так, 10 октября 1938 года она писала: «Мне рассказ понравился, очень хорошо написана Степа, очаровательное создание, и какое животное, именно животное, ее герой. Хороша гроза, ночь. Но меня больше интересует, что ты пишешь в “Арсеньеве”. Вот бы прислал, а я переписала бы, да и Галя тоже».¹⁰ И потом 18 октября: «Очень мне понравились стихи, особенно... Ледяная ночь, — ».¹¹

* * *

Под этим текстом всегда стоял 1952-й год.

НОЧЬ

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только Он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.¹²

⁹ Бунин И. А. Письмо В. Н. Буниной от 5 ноября 1938 г.: РАЛ. MS.1066A/193.

¹⁰ Бунина В. Н. Письмо И. А. Бунину от 10 октября 1938 г.: РАЛ. MS.1067A/178.

¹¹ Бунина В. Н. Письмо И. А. Бунину от 18 октября 1938 г.: РАЛ. MS.1067A/195.

¹² При отсутствии особых указаний поэтические тексты Бунина цит. по изданию: Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. (Новая Библиотека поэта).

«Ночь» — последнее стихотворение Бунина, напечатанное при его жизни, сначала в 1952 году в «Новом журнале» (кн. 28), затем — в год смерти, в последнем сборнике «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» (Нью-Йорк, 1953). Это стихотворение известно и по двум машинописям, на одной из которых указание на 1952 год напечатано, как и весь текст, на машинке, а на другой — вписано от руки.¹³ В стихотворении ошутим итог поэтического и жизненного пути, преддверие и отражение вечности, и это впечатление подкреплялось до сих пор принятым временем его создания Буниным: за год до смерти, в болезни, немощи и абсолютно ясном сознании.

Маленький фрагмент из письма В. Н. Буниной от 18 октября 1938 года переводит это представление.

А спустя три недели, поздним вечером 9 ноября 1938 года, в третьем письме жене за день (во втором он как раз сетовал на взятую судьбой «контрибуцию»), Бунин даст и прозаическую транскрипцию этого стихотворения:

«Получил от Гали “Арсеньева” — передай ей мою благодарность.

Стоят совершенно необыкновенные по красоте лунные ночи, уже свежие, ясные. Луна высока так, что надо голову закидывать. Горы над нами и вокруг нас что-то неземное. И огни по их скатам, огни, рассыпанные везде внизу, и кипарис возле нашей прекрасной площадки лаковый, холодный блеск апельсиновых деревьев, блеск моря вдали, далекие, переливающиеся огни Италии...

Целую, всем покойной ночи».¹⁴

* * *

Чуть позже Бунин напишет в Бослесе еще одно стихотворение:

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Смотрит луна на поляны лесные
И на руины собора сквозные.
В мертвом аббатстве два желтых скелета
Бродят в недвижности лунного света:

¹³ РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 28. Маш., дата: 1952; ИМЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 40. Маш., дата от руки: 1952.

¹⁴ Бунин И. А. Письмо В. Н. Буниной от 9 ноября 1938 г.: РАЛ. MS.1066A/197.

Дама и рыцарь, склонившийся к даме
(Череп безносый и череп безглазый):
«Это сближает нас — то, что мы с вами
Оба скончались от Черной Заразы.
Я из десятого века, — решаюсь
Полюбопытствовать: вы из какого?»
И отвечает она, оскалаясь:
«Ах, как вы молоды! Я из шестого».

Рукописная судьба этого текста имеет на пару звеньев больше, чем у других бунинских стихотворений. Как и другие стихи того времени, оно не известно ни в первоначальной рукописи, ни в машинописной копии осени 1938 года. В своей первой редакции дошло до нас по автографу 1943 года,¹⁵ во второй — по авторизованной машинописи, на которой в качестве даты указан 1947 год.¹⁶ Без заглавия это стихотворение публикуется в 1946 году в газете «Русские новости» (20 декабря, № 84), затем, уже в окончательном виде (зафиксированном машинописью 1947 года), входит в последнюю прижизненную книгу Бунина «Весной, в Иудее. Роза Иерихона».

Автограф 1943 года — это запись в том разнородном собрании листов, которые получили название «Парижских тетрадей» Бунина.¹⁷ Здесь под стихотворением стоит дата «5.XI.38» и сделана помета: «Засыпая в ночь с 4 на 5.XI.38. Думал про аббатство Торонэ, где был в 1926 г. летом». Чуть позже, 17 февраля 1944 года, посылая это стихотворение Б. К. и В. А. Зайцевым, Бунин сопроводил его текст пояснением: «Представилось что-то вроде аббатства Thoronet».¹⁸

Бунин крайне редко вписывал свои стихи в письма, и начало 1944 года — исключение. 29 января 1944 года он шлет Зайцевым стихотворения «Дни близ Сорренто,¹⁹ дни в апреле...» и «Мистраль бушует за стеной...».

¹⁵ РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 25.

¹⁶ ИМЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 40.

¹⁷ РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 20–25.

¹⁸ Письма И. Бунина к Б. Зайцеву / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1979. Кн. 137. С. 132. Примечательно, что осенью 1938 года, посылая Зайцеву только что написанные произведения (например, «Поздний час»; отклик на него Зайцева и ответ Бунина см. соответственно: Новый журнал. 1982. Кн. 149. С. 148; 1979. Кн. 136. С. 127), Бунин ему этого стихотворения, судя по всему, не послал.

¹⁹ В бунинском написании: Сорренто.

Начальная редакция первого из этих текстов восходит к 1916 году,²⁰ позднее на нее, очевидно, наложились впечатления от совместных путешествий Буниных и Зайцевых по южному берегу Франции (с поэтическим перенесением на Италию):²¹

Дни близ Сорренто, дни в апреле,
Когда так холоден и сыр,
Так сладок сердцу Божий мир...
Сады в долинах розовели,
В них голубой стоял туман,
Селенья черные молчали,
Ракиты серые торчали,
Вдыхая в полусне дурман
Земли разрытой и навоза...
Таилась хмурая угроза
В дымящемся густом руне,
Каким в горах спускались тучи
На темно-синие их кручи...
Дни, вечно памятные мне!²²

Второе стихотворение известно только по этому письму (где оно приведено без деления на строфы) и по недатированному правленому автографу (верхний слой которого хотя и совпадает с текстом письма, но поделен на строфы).²³

Мистраль бушует за стеной,
Безлюдный ветер длится, длится...
Пора в постель — уснуть, забыться,
Душе и телу дать покой.

²⁰ См. правленный автограф стихотворения «Абрикосы» («В помпейский серый день, в апреле...»), с датой *7 апреля 1916*: РГАЛИ, ф. 44, оп. 3, ед. хр. 3, с. 48. Впоследствии Бунин изменил первую строчку посланного Зайцевым варианта на «Дни близ Неаполя в апреле...», а в последней прижизненной публикации (в книге «Весной, в Иудее. Роза Иерихона», 1953) дал тексту заглавие: «Nel mezzo del cam<m>in di nostra vita».

²¹ Ср. впечатление Б. К. Зайцева о том, что в Грассе и его окрестностях чувствовался «<n>екий тосканский дух» (*Зайцев Б. Памяти Ивана и Веры Буниных // Зайцев Б. Далекое. Вашингтон, 1965. С. 137*).

²² Текст из письма И. А. Бунина Б. К. и В. А. Зайцевым от 29 января 1944 г. (*Новый журнал. Кн. 137. С. 131*).

²³ РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 26.

Куришь, свет лампы созерцая,
И думать, думать без конца —
Зачем вам эта жизнь пустая,
Людские бедные сердца!

Что пользы подводить итоги
Ничтожных чувств, ничтожных дел,
Поняв, что близок твой предел,
Что ты на роковом пороге!²⁴

Чуть позже, 17 февраля 1944 года, Бунин посылает в письме Зайцевым стихотворение «Смотрит луна на поляны лесные...» (заглавия в письме нет).

6 марта 1944 года, получив ответ Зайцева на свои письма, Бунин пишет ему: «Рад, дорогой Борис, что стихи тебе понравились, горькое чувство, что уже далеки и невозвратны те “*виргилианские*” дни! Господи, как мы были счастливы и молоды — да, даже и я, — поистине было мне не больше 30 лет!»²⁵

Очевидно, все эти стихотворения — объединенные более или менее удаленными во времени средиземноморскими впечатлениями и образами в контексте поздних размышлений о прошедшей жизни — составили для Бунина одну цепочку ассоциаций, и Зайцев был именно тем читателем, которого Бунин хотел этими стихами окликнуть. Почему именно его и почему именно ими?

Самая первая, общая и ясная причина состоит в том, что Зайцев — ближайший свидетель жизни Бунина и самый давний его друг из всех, кто оказался в эмиграции. Они были знакомы с 1900 года, принадлежали к одному московскому кругу; в доме Зайцевых в ноябре 1906 года Бунин встретил свою будущую жену. Зайцев был и среди тех, с кем Бунин в первый же вечер отмечал в московской «Праге» свое избрание в Акаде-

²⁴ См., кстати, и в описании Зайцевым Пюжета: «Таким заезжим и случайным как мы с Иваном — нравится, а жить тут постоянно, и особенно зимой... (Воображаю, что за холодище в нашем доме, когда мистраль задует!)» (*Зайцев Б.* Памяти Ивана и Веры Буниных. С. 142).

²⁵ Новый журнал. Кн. 137. С. 133. В связи с «*виргилианскими*» днями см. стихотворение Бунина «У гробницы *Виргилия*», написанное в зимнем Глотово (31 января 1916) при воспоминании об итальянских путешествиях (1909, 1910, 1912, 1913 или 1914 годов, когда Бунин, гостя на Капри, каждый раз так или иначе проезжал через Неаполь или приезжал в него). Довольно часто бывал в Италии и Зайцев и, по крайней мере, в 1910—1912 годах мог встречаться там с Буниным. Найти подтверждения их «*итальянских*» встреч нам не удалось, но адресованная другу апелляция Бунина к итальянскому прошлому могла бы, кажется, считаться косвенным их свидетельством.

мию наук по разряду изящной словесности 1 ноября 1909 года, и тем, кто после известия о Нобелевской премии в ночь на 10 ноября 1933 года писал в парижской типографии «Возрождения» ликующую статью «Бунин увенчан». Но был еще и конкретный сюжет, который Бунин имел в виду, посылая Зайцеву эти стихи.

Как-то летом 1926 года Бунины гостили в прованском Пюжете у Зайцевых, живших два сезона (1925 и 1926 годов)²⁶ «в департаменте Вар, в имении друзей» — В. Б. и Ф. О. Эльяшевичей. О приездах к ним Буниных — и об их приездах к Буниным в Грасс — как о самом счастливом времени их многолетней дружбы Зайцев спустя тридцать с лишним лет написал в некрологе «Памяти Ивана и Веры Буниных». И там же — о любимых совместных прогулках — «в Торонэ, деревушку в километре»:

Под вечер мы ходили в монастырь Торонэ. Какою-то тропинкой, среди мелкого леса — и вот другая тропинка пересекает ее — в старых, замшелых плитах-камнях.

— Иван, смотри, это древняя дорога в аббатство Торонэ. По ней ездил сюда на ослике Св. Бернгард. Тот, кто Крестовые походы проповедывал. Бернард Клервоский — он и считается основателем аббатства.

Еще довольно жарко, пахнет нагретой хвоей, цикады немолчны. Выходим на большую дорогу, современную. Налево красные россыпи боксита, невдалеке романского стиля колокольня. <...>

Удивительна эта заброшенность аббатства Торонэ, одного из знаменитых памятников романской архитектуры. Как всё сурово, строго тут! Ни украшений, никакой радости для глаза. Как будто сказано: «К чему обольщенья? Веруй, молись».

Голые каменные стены храма, сумрачная трапезная для монахов, портики во дворе на приземистых колоннах, нехитрый колодезь — и ни души! Даже привратника нет. Входи с дороги, кто хочет. Правда, и украсть нечего: сплошной камень, да так уж прочно приторочено, что веками стоит.

Во дворе присаживаемся у колодца, Иван закуривает.

— Да, это не то, что у нас в Ельце или у вас там в Кашире. А мне нравится. Ей-Богу, нравится. Ты посмотри, как строили... Да-а, писали не гуляли.²⁷

²⁶ См.: Ростова О. Примечания // Зайцева-Соллогуб Н. Б. Я вспоминаю...: Устные рассказы. М., 1998. С. 55.

²⁷ Зайцев Б. Памяти Ивана и Веры Буниных. С. 139, 141—142.

Этот день описан и в дневнике В. Н. Буниной за 14 августа 1925 года, после двухдневного пребывания у Зайцевых:

От поездки к Зайцевым осталось поэтическое впечатление. Сами они очень милы, приятны и родственны.

Местность очень приятная — глухомань! Природа успокаивающая, будь лошадь, на которой можно было бы кататься, со всем можно жить. <...>

Ходили вчера к разрушенному революцией Великой аббатству 12<-го> век<а>. Еще романский стиль. Кое-где еще и готическое.

Сегодня, когда мы пришли в Toronet, сделали привал около церкви, из кот<орой> лились божествен<ные> звуки, Ян сказал: «Можно залить всю землю кровью за то, что смеют разрушать храмы. Вот и аббатство вчерашнее, какая прелесть, а между тем Великая революция наложила на не<го> руку». Все мы согласились.²⁸

Через год, приехав к Зайцевым, Бунины снова ходили в Тороне. В тот день Бунин впервые увидел Г. Н. Кузнецову (она была приглашена с мужем, Д. М. Петровым), и их роман начинался на глазах у Зайцевых. Если и были какие-то подробные записи о том времени, то Бунин их впоследствии уничтожил. Остались только краткие напоминания в разрозненных бумагах, как, например, в письме к нему В. Н. Буниной от 17 июля 1936 года: «Десять лет прошло [почти], как мы ездили в Пюжет на “юбилей” Бориса, вспомнилось, как вчера. Хорошо провели тогда день!»²⁹

Это был не единственный раз, когда В. Н. Бунина напомнила мужу о важном для него дне. Спустя четверть века после той поездки Бунин

²⁸ РАЛ. MS.1067/383. Об этом дне см. и в поздних воспоминаниях Н. Б. Зайцевой-Соллогуб: «...летом 1925 года, когда мы жили в имении Ельяшевичей в департаменте Вар (а Грасс был, быть может, в ста километрах отсюда), Бунины к нам приехали на машине. Они иногда брали шофера с машиной, и в этот раз мы провели вместе весь день. Мы завтракали под платанами, а потом папа показывал всем аббатство Тороне» (*Зайцева-Соллогуб Н. Б. Я вспоминаю... С. 34*).

²⁹ Бунина В. Н. Письмо И. А. Бунину от 17 июля 1936 г.: РАЛ. MS.1067A/132. Летом 1926 года Б. К. Зайцев отмечал 25-летие литературной деятельности. См. также: Бунин И. А. Письмо Б. К. Зайцеву от 9 августа 1948 г.: «Мы были у Вас в Пюжете в июле 1926 года (28 июля по новому стилю)» (Новый журнал. 1980. Кн. 138. С. 175; выделено Буниным). Этой фразе суждено было стать последней в многолетней переписке Буниных и Зайцевых.

пишет Г. Н. Кузнецовой: «Нынче Вера вспомнила июль, бывший двадцать пять лет тому назад. Она сказала, что совершенно точно помнит, что мы познакомились с тобой 6/19 июля, а 15/22³⁰ ездили в гости к Зайцевым, которые гостили тогда в имении Эльяшевича за les Arcs в лесистой местности, недалеко от одного мертвого полуразрушившегося аббатства в диком прекрасном лесу, куда мы ходили в тот день с Зайцевыми». ³¹

Тем же летом была сделана первая фотография Бунина и Г. Кузнецовой, на обороте которой она написала: «Первый раз в Грассе. 1926 г.». ³²

Начиная со второй половины 1940-х годов Зайцевы и Г. Н. Кузнецова находились в постоянной переписке, одним из лейтмотивов которой были воспоминания о добром грасском времени — не именно об июле 1926 года, а вообще о бунинском Грассе и присутствии в нем Кузнецовой. Так, 17 марта 1957 года Зайцев пишет: «Дорогая Галина <...>. С Вами у меня связаны дни Грасса, солнце, Ваша женственность и изящество. Сохранилась фотография — Вы, Зуров и я в каком-то городке близ Грасса. Давно всё было. И теперь всё другое». Несколько раньше, 25 марта 1951 года: «Как раз недавно вспомнился почему-то Грасс, удивительный вид из наших с Вами окон на собор, город, равнину к морю и на Эстерель». ³³ Мне Грасса очень жаль, там хорошо было, какой-то светлый артистический мир — у Вас, возможно, иное воспоминание, но вот я, например, тоже помню, как раз мы ездили с Вами и Зуровым (без Ивана) куда-то за Magagnosc, какой-то городишка (так! — Т. Д.) над Gorges du Loup, ³⁴ очень славная поездка. У меня остались даже фотографии — думаю, Вы снимали: я с Зуровым. / А знаете, на другой день, 12-го февраля, вдруг пришел Зуров, поздравил, принес бутылку вина. Всё было очень весело и легко (!) (так в тексте. — Т. Д.)». ³⁵

³⁰ Видимо, опечатка, и следует читать: 15/28.

³¹ Бунин И. А. Письмо Г. Н. Кузнецовой от 29 июля 1951 г.; цит. по: *Бабореко А. К. Галина Кузнецова // Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М., 1995. С. 6.*

³² Воспр.: *Бабореко А. К. Бунин. Жизнеописание. Изд. 2-е. М., 2009. Вклейка между с. 321 и 322.*

³³ Горный хребет на Лазурном берегу.

³⁴ Magagnosc (Маганьоск), поселок в 5 км на северо-восток от Грасса, на полпути к Gorges du Loup.

³⁵ Таким образом был, видимо, отмечен день рождения Зайцева (29 января по ст. ст.). Дневниковые записи Буниных не позволяют однозначно определить год, к которому относятся эти воспоминания, и по ряду признаков мы можем только предположить, что речь идет о 1931 году. Письма

Но все эти светлые воспоминания (и самого Бунина, и его жены, и Зайцева, и, надо думать, Кузнецовой, не пресекавшей в поздней переписке этих тем) остались далеко за пределами бунинской «Ночной прогулки», лишенной живых примет бытия и обращенной к читателю исключительно своей жуткой потусторонней стороной. В ряду ностальгических стихотворений о лучших днях прошлого «Ночная прогулка» оказывается вопреки своему прямому смыслу — благодаря конкретному топонимическому указанию на полях и включенности в ряд других стихов, посланных Зайцеву зимой 1944 года. С помощью этого «ключа» стихотворение открывается как изнанка некогда чудесного любовного сюжета, опрокинутого в царство смерти, и тот всё искривляющий, змеящийся ужас, который должен был испытывать Бунин, сочиняя его, должно быть, ничуть не уступал тому холодному чистому отчаянию, которое владело им, когда он писал «Ночь».

* * *

Кроме «Ночи» и «Ночной прогулки», осенью 1938 года в Босолее Бунин пишет еще шесть стихотворений:

- (1) «Вечерний Ангел грустным звоном...». 15.10.1938.
- (2) «Ночью, в темном саду, постоял вдалеке...». 16.10.1938.
- (3) «Ты жила в тишине и покое...». 18.10.1938.
- (4) «Здесь клад зарыт. Здесь жутко: тайна, клад...». 21.10.1938.
- (5) «Панихида» («Священники в черном, кадила...»). 22.10.1938.
- (6) «Под окном бродила и скучала...». 6.11.1938.

Каждый из этих текстов выглядит, скорее, как отрывок, относящийся к какому-то большему целому или, во всяком случае, соотносящийся с ним, нежели как самостоятельное произведение.

Три их них — (2), (3), (6) — так прочно, образно и стилистически, связаны с рассказами «Темных аллей», что представляются поэтическими иллюстрациями к ним, вплоть до точных текстовых инкрустаций. Ср. в рассказе «Поздний час» (авторская дата — 19 октября 1938):

А потом ты проводила меня до калитки, и я сказал:

— Если есть будущая жизнь и мы встретимся в ней, я стану там на колени и поцелую твои ноги за все, что ты дала мне на земле.³⁶

Б. К. Зайцева Г. Н. Кузнецовой хранятся в Архиве Института Восточной Европы г. Бремена (FSO 01—141).

³⁶ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1966. Т. 7. С. 41.

— и обещание героя, данное «ей» («тебе») в «весеннем саду» в стихотворении «Под окном бродила и скучала...» (авторская дата — 6 ноября 1938):

Если встретимся в саду в раю,
 На какой-нибудь дорожке,
 Поклонюсь тебе я в ножки
 За любовь мою.

Три других текста — (1), (4), (5) — прямо связаны с темой смерти, причем если в (1) она решается в пастельных тонах мирно уходящего дня, то в двух других показана своей таинственной, жуткой и отвратительной стороной: «Здесь жутко: тайна, клад» (4), «Всё позорное, / Всё грубое — и беспризорное...» (5).

Таким образом, шесть коротких стихотворений 15 октября — 6 ноября 1938 года ровно пополам растягиваются между надмирным и просветленным взглядом «Ночи» и искаженным, болезненным взглядом «Ночной прогулки» (его миновал, как уже сказано, только «Вечерний Ангел...», но тематически он привязан именно к этому полюсу, «смерти»).

И опять же, ни автографов 1938 года, ни машинописных копий того времени, выполненных Верой Николаевной или «Галей», насколько мы можем судить, не сохранилось. Спустя пять лет эти стихи, как и «Смотрит луна...», с датами осени 1938 года были переписаны Буниным в «Парижскую тетрадь». Скорее всего, тогда же были уничтожены их ранние автографы («Парижская тетрадь» — единственный известный сегодня источник этих текстов).

В то же время, на рубеже 1943—1944 годов, вернувшись к своим стихам разных лет, Бунин выправил давнее стихотворение «Абрикосы», из которого теперь получились «Дни близ Сорренто, дни в апреле...», и заново записал «Смотрит луна на поляны лесные...» (вероятно, уничтожив при этом первый автограф). Видимо, тогда же он написал «Мистраль бушует за стеной...». Все три стихотворения, разошедшиеся по разным «подсобраниям» в бунинском архиве (ни «Дней...», ни «Мистралья...» в «Парижских тетрадях» нет), были посланы Зайцевым, образовав единый круг ностальгических воспоминаний «на роковом пороге».

Шесть коротких стихотворений, будучи переписаны в «Парижскую тетрадь», Зайцеву не посылались и при жизни Бунина не публиковались.

«Ночь» отсутствует в бумагах 1943—1944 годов и не фигурирует в переписке с Зайцевыми. Вероятно, ее текст затерялся в бумагах или сохранился в каком-то другом «собрании листков», и Бунин вернулся к ней только в 1952 году. Упоминание в письме В. Н. Буниной — единственное

указание на то, что стихотворение (по меньшей мере, в своей первой редакции) было написано не в 1952 году, а на 14 лет раньше. Самого текста 1938 года, как уже было сказано, не сохранилось, и оценить степень изменения текста не представляется возможным.³⁷

* * *

В подзаголовок этих заметок включен известный оборот «Еще раз...». Конечно, хотелось бы думать, что вся необходимая информация о последних стихотворениях Бунина уже была отражена в недавно вышедшем научном издании его стихотворений.³⁸ Однако не успело оно разойтись по домашним и научным библиотекам, как работа над следующими же архивными материалами бунинского наследия заставила вернуться и пересмотреть самые, казалось бы, незыблемые представления о ключевых — как мы видим, и в буквальном смысле: замыкающих — произведениях поэта.

Согласно принципу, принятому в поэтическом двухтомнике, его основной раздел составили стихотворения, которые сам Бунин при жизни напечатал в своих авторских изданиях. При таком подходе «Ночная прогулка» была предпоследним, а «Ночь» — последним текстом основного раздела. В разделе стихотворений, не вошедших в авторские издания (напечатанных только в периодике или не напечатанных вовсе), в том же временном промежутке оказываются стихи «Мистраль бушует за стеной...» — очевидная «рифма» к «Ночи» (см. выше), и «Венки» (<1952—1953>) — своего рода автоэпитафия, *Exegi monumentum* Бунина.

³⁷ «Ночь» связана с Зайцевыми еще несколькими окказиональными линиями разного порядка, сопряжение которых возможно исключительно по «поэтическому» принципу. Так, вилла в Босолее была снята для Буниных дочерью Зайцевых Н. Б. Зайцевой-Соллогуб (см.: *Зайцев Б.* Повесть о Вере // Мосты. Мюнхен, 1968. № 13/14. С. 16–17). В письме Зайцевым от 2 декабря того же, что и посланные стихи, 1944 года Бунин вновь употребляет уже известное словосочетание: «*Ногь ледяная*, месяц еще не взошел, — “примеркать стал”, как говорили когда-то, — в мертвой тишине, в лесу над нами, немолчное любовное завывание, — у-у-у! — кричат филины» (Новый журнал. Кн. 138. С. 161–162; выделено мной. — Т. Д.). Ср. мотивы жутковатого нарушения «мертвого» пространства (тишины — в этом письме, аббатства — в «Ночной прогулке») и т. д. С этим же письмом Бунин посылает Зайцеву «на память» свой рассказ «Поздний час» (см. выше) и благодарит за отзыв на рассказ «Мистраль».

³⁸ См. примеч. 12 настоящей статьи.

ВЕНКИ

Был праздник в честь мою, и был увенчан я
Венком лавровым, изумрудным:
Он мне студил чело, холодный, как змея,
В чертоге пирном, знойном, людном.

Жду нового венка — и помню, что сплетен
Из мирта темного он будет:
В чертоге гробовом, где вечный мрак и сон,
Он навсегда чело мое остудит.

Если когда-нибудь будет предпринято издание с иным принципом подачи текстов и в его основной раздел войдут *все законченные* Буниным стихотворения (независимо от факта их прижизненной публикации), то «Мистраль бушует за стеной...» и «Венки» по хронологии завершат основной раздел и примут на себя роль пуанта, семантика которого выходит за рамки одного (даже взятого в контексте) стихотворения и распространяется на весь «большой текст» Бунина. В таком случае после того сквозняка, который дует из надмирных сфер в «Мистрале...», «Венки» мраморной плитой лягут на всё поэтическое (и не только поэтическое) творчество Бунина, и книгу можно будет закрыть (далее пойдут только отрывки, комментарии и всяческие указатели).

Но при сохранении принципа «Бунина, прочитанного его современником», по которому основной раздел — это стихи, которые сам автор хотел и успел опубликовать при жизни (этот подход мы считаем наиболее оправданным и точным как для представления самосознания и эволюции самого поэта, так и для истории поэзии в целом), хронологическое трение между «Ночной прогулкой» и «Ночью» становится своеобразным внутренним — и, со стороны совершенно ясно, сущностным — спором о главной теме и интонации бунинской поэзии, мерцанием смысла — о чем она и с какой точки зрения (высоты) говорит, о ее героях и пейзаже, в котором разворачивается ее действие.

Разговор с Богом один на один о жизни и без посредства культуры ли, истории — или обращение к средневековой традиции *пляски смерти*; мир, исполненный золотого недвижимого света, — или сквозные руины собора; мертвая печаль живого — или жуткий, оживший ночью оскал мертвеца; молчание живого — или разговор мертвых. При всем одиночестве и последней печали в «Ночи» есть божественный свет и божественное присутствие. В «Ночной прогулке», пересекающейся с ней целой сетью мотивов, ни того ни другого нет, а есть только лишенный жизни, мысли и чувства макабрический танец, изнанка жизни, насмешка смерти. При всей условности сближений «Ночь» ближе экзистенциаль-

ному чувству Лермонтова («Выхожу один я на дорогу...»),³⁹ «Ночная прогулка» — сатирической интонации Гейне («Auf dem Hardenberge...»)⁴⁰.

Какое из этих двух стихотворений должно завершать поэтическое собрание Бунина, составленное, согласно академическим правилам, по хронологии первой даты? До сих пор этим стихотворением была «Ночь», с единственной датой «1952». Если принять «октябрь 1938» как первую дату «Ночи», то она уступает место «коды» «Ночной прогулке», написанной (пусть даже в своей первой редакции) в ночь на 5 ноября 1938 года. Спор вторых дат — 1944 год для «Ночной прогулки» (дата обозначена в книге «Весной, в Иудее. Роза Иерихона», 1953) и 1952 год для «Ночи» — уже второстепенен.

Вместе с передатировкой «Ночи» существенно меняется наше представление о поэтическом пути Бунина. Можно сказать, что он сокращается почти на 14 лет: «Мистраль...» и «Венки» — как и серия «домашних», шуточных стихотворений 1940-х годов⁴¹ — оказываются далеко вынесенными из основного поэтического потока, хотя бы потому, что ни одно из стихотворений, начатых после 1938 года, Бунин не публиковал. Само собой, меняется ретроспективное прочтение «Ночи»: одно дело — *предсмертное* «Золотой недвижимый свет / До постели лег», и совсем другое — теми же словами — сиюминутное ощущение одной конкретной, *этой* ночи, когда впереди еще и война, и «Темные аллеи», и еще великое множество чувств, событий, мыслей, рукописей, встреч... Но было ли оно другим для автора?

Поставив «1952» на машинописи, попавшей ли ему в ту пору на глаза или тогда же зафиксировавшей только что написанный / только что измененный текст, Бунин подтвердил тождество своего состояния в прошлом и настоящем, уравнивая их и холодную — *ледяную* — ночь, в которой чем дальше, тем острее он чувствовал свое одиночество. И перенесенный из первой в последнюю строчку мистраль напоминает ветер из Книги Екклесиаста, который кружится, кружится и возвращается на круги своя (Еккл. 1: 6).

³⁹ К концу жизни Бунина Лермонтов занял в ней совершенно особое место. В последние месяцы он вспоминал и читал наизусть «Выхожу один я на дорогу...» и «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...», говорил: «Всю жизнь я думал, что первый русский поэт — Пушкин. А теперь я знаю, что первый наш поэт — Лермонтов» (*Адамович Г.* Бунин. Воспоминания // Новый журнал. 1971. Кн. 105. С. 135; то же см.: *Алданов М.* О Бунине // Новый журнал. 1953. Кн. 35. С. 133). См. также: Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt/Main: Посев, 1982. Т. 3. С. 188, 208.

⁴⁰ Это стихотворение в переводе А. Н. Майкова («На горах Гарца») — один из претекстов «Ночной прогулки».

⁴¹ См.: Нецензурный Бунин: Стихотворные пародии конца 1940-х годов / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Е. Р. Пономарева // И. А. Бунин: Новые материалы. М., 2010. Вып. 2. С. 478—499.